

Фамилию Пастернак я хорошо знал еще с детских и юношеских лет. Это был известный художник, портреты которого выполнялись особой техникой — цветными мелками, называвшимися пастель. Мне очень нравились эти его работы какой-то «своей» мягкой манерой исполнения. Впоследствии я тоже пробовал заниматься этими мелками, всегда вспоминая искусство Пастернака, хорошо запомнив, что звали его Леонид Осипович. Он дружил с такими художниками, как Валентин Серов, Константин Коровин, братьями Васнецовыми...

Живя в Рыбинске на Волге и занимаясь в студии «Изо», я, как и другие студийцы, мечтал о простом карандаше, но в начале 20-х их в продаже не было. Мы обжигали деревянные палочки до угля и ими рисовали вместо карандашей на серой оберточной бумаге, подсвечивая мелом. Ни о какой пастели и думать было нельзя. О ней можно было лишь мечтать, как о счастье.

Позже, поступив во Вхутемас и переехав в Москву, я получил возможность еще больше познакомиться с искусством художника Пастернака как в музеях, так и по репродукциям в книгах. В Третьяковке я увидел картину этого художника, написанную масляными красками, «Письмо с родины». Увидел и другие работы Л. Пастернака. Моими любимыми художниками были и остались на всю жизнь В. Серов, К. Коровин, М. Врубель, И. Левитан, среди них и Л. Пастернак.

В середине 20-х годов я впервые увидел сына художника Пастернака — Бориса Леонидовича, бывшего тогда уже известным поэтом, дружившим с В. Маяковским.

В те годы мы — Кукурыники — много бывали на литературных собраниях, вечерах, встречах с поэтами и писателями. На этих встречах все трое рисовали шаржи на присутствовавших. В том числе и на поэта Б. Пастернака. Шаржи наши публиковались в газетах и журналах, иногда со стихами или пародиями на изображенных. Пародии очень часто писал поэт-пародист Александр Архангельский.

Борис Пастернак много раз изображался нами. Внешность его была привлекательной, по своему красивой. Живые блестящие карие глаза, добрая улыбка, высокий рост, несколько полноватые губы. Читал свои стихи просто, ясно, несколько «в нос». Вел себя очень скромно, казалось, даже смущаясь. В нашей общей мастерской хранился много вариантов шаржей на литераторов, в том числе и Пастернака. Есть там он с улыбкой и без нее. В профиль и фас. Все эти шаржи большей частью нарисованы с натуры. На шаржи поэт не обижался...

В последние годы имена писателей и поэтов, когда-то несправедливо критикованных или даже репрессированных, были вновь восстановлены. Их произведения стали издавать много говорить, они заняли в литературе свои настоящие места. Среди них и Пастернак. Но мне кажется, считать, что всю жизнь он был непризнан и подвергался лишь травле, неверно. Да, жестоко и несправедливо поступили с этим талантливым поэтом и честнейшим человеком, развернув против него дику травлю, и подчас при «помощи» своих же «друзей»-писателей в связи с опубликованием за

рубежом его романа «Доктор Живаго». Эта травля дорого обошлась Б. Пастернаку и как поэту, и как человеку. Но я хорошо помню, с какой любовью, какими аплодисментами встречали поэта, когда предлагалось его избрание в президиум или после чтения им своих стихов.

Радостно смущенный всегда стоял Борис Леонидович во время оаций. Не один год бывали мы свидетелями таких радостных встреч поэта со слушателями, его поклонниками.

Конечно, находились отдельные личности, которые считали своим занятием делать другим пакости для собственного удовольствия. Так бывало со многими, не только с литераторами. Как-то и нашему коллективу пришлось прочитать в одном печатном «труде» о

ным образом, идя от содержания, а форма приходила сама собой. К нелепому слову «формализм» это не имеет никакого отношения. Поэзия Бориса Пастернака душевна и очень человечна. Я люблю его стихи, например «Разлуку» или контрастное ему «Свидание», как и небольшое «Хмель». Их нельзя читать без волнения:

**С порога смотрит человек,
Не узнавая дома.
Ее отъезд был — как побег,
Везде следы разгрома...**

Небольшое стихотворение, равноценно огромной трагической поэме. И чувства, и образы, даже детали — все написано от сердца. Все — говорит. В контраст этим стихам написано «Свидание». В нем нежность, ласковость, трогательность уже с самого начала:

ХУДОЖНИК

КУКУРЫНИКСЫ

И ПОЭТ

том, что мы являемся «шестирукой и шестиногой кукурынской, переползающей из журнала в журнал». К сожалению, метод «мазать грязью» очень живуч, он сохранился и до сегодняшнего дня. Выбор жертв другой, а метод тот же.

Бориса Пастернака пытались упрекать в «формализме» его творчества, в злобных «поисках» нового. Но вот что писал сам Б. Пастернак о поисках: «Я никогда не понимал этих розысков. По моему, самые поразительные открытия производились, когда переполненное художника содержание не давало ему времени задуматься и второпях он говорил свое новое слово на старом языке, не разобрав, стар он или нов. Так на старом моцартовско-фильдовском языке Шопен сказал столько ошеломляюще нового в музыке, что оно стало вторым ее началом.

Так Скрябин почти средствами предшественников обновил ощущение музыки до основания в самом начале своего поприща. Уже в этюдах восьмого опуса или в прелюдиях одиннадцатого все современно, все полно внутренними, доступными музыке соответствиями с миром внешним, окружающим, с тем, как жили тогда, думали, чувствовали, путешествовали, одевались».

Умно и верно сказано. Очевидно, что и к своему творчеству поэт относился подоб-

**Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш,
Пойду размять я ноги,
За дверью ты стоишь.
Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош,
Ты борешься с волнением
И мокрый снег жуешь.**

И дальше так же сердечно и нежно описывается и состояние вернувшейся, и как в сердце... навеки засело:

**Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.**

Различные моменты жизни. И в каждом душа поэзии, повороты, ракурсы жизни. Тут и следа нет бессмысленного слова «формализм». Только бессердечную тупую личность не тронет эта замечательная поэзия.

Борис Леонидович Пастернак жил так, как хотел, писал, как думал и чувствовал. Он не «перестраивался», как кому-то хотелось. Один талантливый поэт на вопрос, почему он не перестраивается, ответил так:

— Я не балалайка, которую можно перестраивать!

Как-то мы изображали дружеский шарж на Б. Пастернака в виде сфинкса, а талантливый поэт-пародист Александр Архангельский под рисунком написал такие строчки:

**Все изменилось под нашим
зодиаком,**

**А Пастернак — остался
Пастернаком.**

Ник. СОКОЛОВ.
(Кукурыники).